

Глава 4. Дикий кабан

В одно мгновение уши Сяо Чэньюя вспыхнули так, что, казалось, из них вот-вот закапает кровь.

Он не мог возразить — ведь Ван Чи говорил чистую правду. Прошлой ночью, пока тот спал, юноша и правда шарил по нему руками.

Но... разве это вся его вина?

Он просто не мог уснуть, а Ван Чи запретил ему болтать. Что ещё оставалось делать, кроме как бесконечно гонять в голове мысли? Ну а мысли сами собой вернулись, когда перед душем Ван Чи снял рубашку и, обнажённый по пояс, прошёл в ванную.

Его живот напрягался при каждом шаге, мышцы груди и рук двигались плавно, мощно, под кожей перекачивались упругие линии. Сяо Чэньюй глянул на него всего раз — и не смог забыть.

Такое тело, да кто бы удержался, лежав с ним рядом?

И вообще, он ведь человек порядочный: всего-то провёл рукой по верхней части тела, ниже даже не опустился — какое же это домогательство?

Виноват тут только Ван Чи и его безупречная фигура.

В барах и спортзалах Сяо Чэньюй встречал сотни мужчин — многие сами к нему липли, старались понравиться. Но ни один не зацепил. Он не считал себя слишком разборчивым, и всё же до сих пор лишь это тело могло его по-настоящему удовлетворить.

Да и лицо... тоже неплохое, хоть и не дотягивает до его собственного. Только вот характер — ужас.

С таким телом и такой внешностью... и при этом с таким отвратительным нравом! Настоящая порча божьего дара, — с сожалением подумал он и снова скосил взгляд на Ван Чи.

— Всё ещё пялишься? — поднял бровь тот. — Не посмотрелся, да? Третье правило — согласен?

— Согласен, согласен! — Сяо Чэньюй съёжился под его голосом, но не забыл сохранить видимость достоинства. — То вчера случайность была. Я же не извращенец, не стану тебя трогать каждый день.

— Смотри, держи слово, — сухо ответил Ван Чи.

Лишь после этого он поднялся, отступил, достал из шкафа чистую одежду и протянул ему:

— Иди, прими душ.

После душа Сяо Чэньюй встал под кондиционер, насладился прохладой, а потом с головой забрался под одеяло.

Но едва лёг, как боль пронзила спину — синяки напомнили о себе. Пришлось сесть и, не глядя, открыть аптечку в прикроватной тумбе.

Раны он получил ещё вчера, когда попал в ловушку. Тогда, пытаясь выбраться, он снова и снова карабкался по земляной стенке ямы, каждый раз срываясь вниз. С каждым падением

ударов и синяков становилось всё больше.

После того как Сяо Чэньюй обработал лекарством все синяки их было больше десятка, больших и маленьких. Боль почти исчезла. Стало приятно, даже уютно. Он лёг на бок и вскоре заснул, не заметив, когда Ван Чи лёг рядом.

Но сон продлился недолго — его разбудил жар. Всё тело словно горело, кожа липла, дышать было тяжело. Он сбросил одеяло, но легче не стало. Наверное, подействовало жаропонижающее, принятое днём, и теперь эффект прошёл.

Он с трудом открыл глаза и понял, что дело не в лекарстве. Кондиционер был выключен.

Вот скупердяй! Даже ночью экономит электричество! — недовольно подумал он.

Осторожно, стараясь не разбудить Ван Чи, Сяо Чэньюй перелез через него, а затем потянулся к тумбочке за пультом.

Не успел юноша дотянуться, как чья-то рука крепко перехватила его запястье. Щёлкнул выключатель, и комната озарилась тёплым светом.

— Что ты делаешь? — спросил Ван Чи.

— Я не трогал тебя! — Сяо Чэньюй прищурился от света, вырвал руку и снова потянулся к пульту. — Хотел включить кондиционер.

— Нельзя.

— Но мне жарко! — возмутился он. — Я включу!

— Нельзя, — повторил Ван Чи и силой потянул его обратно на кровать, аккуратно укутал одеялом.

Сам он тоже, видно, изнемогал от жары — ладони были влажные, а на лбу блестели капли пота.

Сяо Чэньюй раздражённо сбросил одеяло.

— Тебе же самому жарко, так включи! Даже если жалко ради меня, не мучай хоть себя! Ну и жадина ты...

— Какой кондиционер при температуре? — перебил его Ван Чи. — Хочешь, чтобы до сорока поднялась?

Сяо Чэньюй сразу поутих.

— Откуда ты знаешь, что у меня температура? — спросил он тихо.

— Сам же говорил, что выпил жаропонижающее, — напомнил Ван Чи. — Так зачем теперь кондиционер? Хочешь, чтобы болезнь затянулась?

— Тише ты, — попросил Сяо Чэньюй, заметив, как у того нахмурилось лицо. Он послушно натянул одеяло и пробурчал: — Я и так больной, а ты всё равно ругаешься.

Ван Чи на секунду замолчал, а потом уже мягче произнёс:

— Я не ругаюсь.

— Ага, — коротко ответил Сяо Чэньюй и повернулся к нему спиной. — Но когда ты сегодня провожал меня домой и разговаривал с людьми по дороге, ты ведь не был таким злым.

Он помолчал, потом спросил прямо, с заметной грустью в голосе:

— Ты меня не любишь, да?

Ван Чи застыл, поражённый вопросом. Некоторое время он молча обдумывал свои слова и поступки последних дней, а потом негромко ответил:

— ...Нет.

— О, — пробормотал Сяо Чэньюй, закрывая глаза и прячась глубже под одеяло.

Ван Чи посмотрел на его сжавшуюся спину и, коснувшись через одеяло его руки, тихо сказал:

— Раз уж проснулся — встань, выпей лекарство.

— Не хочу!

Ван Чи сдержанно, почти терпеливо ответил:

— Ещё раз выпьешь и завтра проснёшься здоровым.

Сяо Чэньюй с видимым недовольством поднялся, взял стакан воды, который подал Ван Чи, проглотил таблетки и снова лёг, отвернувшись к стене.

Ван Чи поправил на нём одеяло, выключил свет и лёг рядом.

Он не заметил, как в темноте Сяо Чэньюй, отвернувшись, лежал с открытыми глазами и тихо улыбался.

Этой ночью Ван Чи снова не смог нормально уснуть.

В комнате было душно, он ворочался с боку на бок, пока, наконец, не задремал. Но вскоре во сне ему стало трудно дышать — будто петля сжимала шею.

Он резко открыл глаза и понял, что у него на шее лежит чужая рука.

Сквозь сероватый утренний свет он увидел спящего Сяо Чэньюя и почувствовал, как начинает болеть голова.

Тот лежал к нему вполборота: рукой обвил шею, а ногой придавил его бедро. Вся его поза говорила, что он устроился на нём, как на подушке.

Неужели кто-то может спать так неуклюже? — подумал Ван Чи и пинком отодвинул ногу юноши, а его руку убрал в сторону.

Он ожидал, что от этого Сяо Чэньюй проснётся, и тогда можно будет справедливо отчитать его за отвратительную привычку лезть во сне к людям. Но тот лишь почесал щёку, перевернулся и снова положил руку на него.

Ван Чи сдержал вздох, приложил тыльную сторону ладони ко лбу Сяо Чэньюя — жара больше не было. Значит, можно не жалеть. Он перехватил его руку, собираясь снова её отодвинуть.

Но тут ощутил что-то странное: кожа на плече под пальцами была неровной, шероховатой.

Он провёл большим пальцем несколько раз, пытаясь понять, что это, и, заподозрив сыпь или раздражение, осторожно задрал рукав его футболки.

На свет показалась татуировка тигра — та самая, что он уже видел в ту бурную ночь, когда спас Сяо Чэньюя из ловушки, а тот, решив, что его хотят похитить, специально показал этот партак, чтобы припугнуть.

Тигр на коже оскалился, сверкая острыми зубами и злыми глазами.

Но что-то было не так. Ван Чи снова коснулся его плеча и понял: это вовсе не татуировка.

Это была наклейка-тату, временный рисунок...

Потому что стоило ему провести пальцем чуть сильнее — и у тигра пропал один глаз.

Ван Чи едва сдержал улыбку.

Когда он впервые увидел Сяо Чэньюя с окрашенными волосами, серьгой и татуировками, то сразу решил, что перед ним типичный подросток-бунтарь лет семнадцати-восемнадцати: весь из себя колючий, вечно ругается и только и мечтает, чтобы сбежать из дома.

Но теперь, глядя на него, он понимал: кроме невыносимой манеры спать и привычки лезть к нему руками, парень-то, в общем, послушный.

Вчера утром, когда он провожал его домой, Сяо Чэньюй ни в какую не хотел снимать длинные рукава. А увидев дедушку с бабушкой, незаметно спрятал левую руку за спину потому что боялся, что старики заметят синяк на запястье.

Старики, конечно, ничего не заметили, но Ван Чи всё видел. Синяк был немаленький, видно, он получил его, когда упал в яму.

Вчера вечером, разговаривая с ними по телефону, Ван Чи понял, что они даже не догадываются о болезни Сяо Чэньюя. Значит, он им ничего не сказал. И неудивительно — зная, как в семье Сяо лелеют своего мальчика, те бы ни за что не позволили больному ребёнку одному пойти к нему домой.

Выходит, Сяо Чэньюй так упорно хочет остаться здесь, потому что боится? Вернись он домой, его родители увидят синяки и начнут волноваться?

Ван Чи повернулся боком и взглянул на спящего Сяо Чэньюя. Какой ещё тигр? — подумал он. — Совсем не идёт ему. Ему бы тату с котёнком или щенком... куда больше подошла бы.

Он ещё немного посидел, разглядывая спокойное лицо спящего парня, потом поднялся, надолго закрылся в ванной, а после сразу занялся утренними делами.

Кормя собаку, он поставил перед ней одежду, в которой Сяо Чэньюй был вчера, и потрепал её по голове:

— Юаньбао, запомни этот запах. Больше не рычи на него.

Юаньбао склонила голову набок, глядя на хозяина.

— Он... — Ван Чи замаялся, а потом сказал: — Он теперь твой новый брат, я его тебе подобрал.

Пёс понял: подошёл, обнюхал одежду и, привыкнув к запаху, замахал хвостом.

— Вот умница, — похвалил его Ван Чи и погладил по спине.

Цзинь Сю сидела в шезлонге во дворе, слушая юэцзюй*. Увидев, как Ван Чи, позавтракав, меняет обувь на резиновые сапоги, она спросила:

*китайская опера

— Куда собрался? Чэньюй специально приехал к тебе, чтобы побыть вместе, а ты куда-то уходишь?

— В поле, — ответил он, не переставая собираться. — Такая хорошая погода — грех сидеть без дела. Он уже взрослый, пусть сам себя развлечёт.

Он надел шляпу, взял сумку и добавил:

— Обед я с собой возьму, вернусь к вечеру.

Бросив взгляд на окно спальни, он добавил:

— Всё равно, скорее всего, он будет спать до полудня, не буди его.

Сказав это, он открыл калитку и, не оглянувшись, вышел.

Цзинь Сю проводила его взглядом, удивляясь: поле ведь не так недалеко, почему бы не вернуться на обед? С каких это пор у него вдруг нашлось столько неотложной работы?

И правда — Ван Чи как в воду глядел: когда Сяо Чэньюй проснулся, солнце уже стояло в зените. Он поворочался на кровати, обняв одеяло, почувствовал, что силы вернулись, и понял — температура спала.

Обедал он вдвоём с Цзинь Сю. Все блюда были приготовлены из свежих овощей с огорода. Наконец-то он попробовал то, чего хотел накануне. Вкус еды оказался таким, что Сяо Чэньюй не мог нахвалиться и, сам не заметив, съел на полмиски риса больше обычного.

После обеда Цзинь Сю, как и каждый день, взяла свою маленькую чашку чая и отправилась в деревенский клуб играть в карты. Слушать оперу и играть в карты было для неё ежедневным ритуалом.

В доме остался один Сяо Чэньюй. Он бродил по комнатам, в первый раз внимательно рассматривая жилище Ван Чи.

Дом был двухэтажным, самостроем, снаружи облицован узкими бледно-жёлтыми плитками; пол внутри был выложен терраццо. Сразу от входа открывалась просторная главная комната, дальше располагались кухня, ванная и спальня.

Жили здесь только Ван Чи и Цзинь Сю. Старуха обитала в основном на первом этаже, а второй был полностью во владении Ван Чи. Там находились его спальня, ванная и... целая отдельная рабочая комната.

У него даже есть собственный кабинет? — удивился Сяо Чэньюй и вошёл внутрь.

На полках стояли книги самых разных направлений — романы, социальная и экономическая литература, история. Но больше всего его поразило, что среди них были профессиональные медицинские труды и целая подборка книг по программированию.

Странно... Человек, у которого есть кабинет и такие книги, вряд ли должен быть простым крестьянином.

Он наугад дёрнул ящик письменного стола — заперт.

А, точно. Вчера Ван Чи предупреждал: в доме есть запертые места, к которым нельзя прикасаться. Например, к ящикам его стола.

Что же там такое ценное, что нужно держать под замком? — размышлял Сяо Чэньюй. Неужели слитки золота? — усмехнулся он про себя и подошёл к окну.

Отсюда открывался вид на широкие, аккуратно разбитые поля. Большинство уже покрывал густой зеленью урожай, а в некоторых рисовых чеках пока стояла только вода, поблёскивающая под солнцем. Среди залитых участков работали машины и виднелись человеческие фигуры.

Невысокие дома с красной или серой черепицей, с белыми стенами, рассыпались по полям, будто чёрные и красные камни на шахматной доске.

Дальше за полями начинался лес. Сочные, тёмно-зелёные кроны заполняли горизонт, а стройные водяные кедровые деревья, поднимаясь к небу, будто подпирали ослепительно жаркое солнце.

Такого в городе не увидишь. Всё казалось ново, свежо, дышалось легко. Сяо Чэньюй долго стоял у окна, прежде чем наконец оторвал от него взгляд.

Опустив глаза, он заметил во дворе ту самую дворняжку — она стояла, задрала голову, и виляла хвостом, глядя прямо на него.

Сяо Чэньюй немного поколебался, потом спустился вниз. Увидев его, щенок радостно подбежал и закружился у ног.

Юноша присел на корточки и неуверенно протянул руку. Пёс подошёл ближе, понюхал, а потом ткнулся лбом в его ладонь, требуя, чтобы его погладили.

Сяо Чэньюй был так зол, что ему даже стало смешно.

Ещё вчера этот пёс огрызался на него, а сегодня уже виляет хвостом и ластится — вот уж действительно переменчивое существо!

Но ведь, как говорится, не бьют ту собаку, которая улыбается. Щенок радостно махал хвостом, даже притащил мяч и положил к его ногам. Тут уж, как бы он ни хотел держать обиду, злиться было невозможно. К тому же, щенок был просто очарователен — глаза, как чёрные виноградинки, а на груди — крошечное белое пятнышко.

Сяо Чэньюй поднял мяч и бросил его... а потом они уже вместе резвились по двору, бегая до изнеможения.

Когда Ван Чи вернулся домой, он застал именно эту картину: Сяо Чэньюй с разгорячённым

лицом гонялся по двору за Юаньбао, запыхавшийся, но весёлый.

— Ты вернулся! — глаза Сяо Чэньюя радостно загорелись.

Ван Чи, державший в руке гроздь винограда, на миг застыл, потом кивнул:

— Угу.

Он помыл виноград, и Сяо Чэньюй тут же набросился на ягоды.

Но едва он успел съесть несколько штук, как входная дверь с грохотом распахнулась, и в дом влетели детские голоса:

— Брат Ван! Брат Ван! Кабан убежал!

Через минуту вбежали двое мальчишек — лет десяти, не больше.

Один, увидев Сяо Чэньюя, распахнул глаза и с восторгом воскликнул:

— Вау! Золотистый ретривер!

Сяо Чэньюй от неожиданности сжал гроздь и раздавил виноградину в ладони, сок потёк по пальцам.

Что значит — ретривер? Он что, по-твоему, собака?!

Он уже собирался вспыхнуть, но услышал, как тот мальчишка говорит приятелю:

— Смотри, какой классный старший брат! Я тоже хочу покрасить волосы в золотой!

А-а... так это комплимент... — осознал Сяо Чэньюй, с трудом проглотив раздражение. Щёки у него порозовели — теперь уже не от злости, а от неловкости.

Ван Чи молча протянул ему салфетку, чтобы вытереть руки, и пригласил мальчишек за стол — поесть фруктов.

Повернувшись к тому, что всё это время молчал, он спросил:

— Лян Юэ, что ты говорил про дикого кабана?

Лян Юэ был худенький, с тонкими плечами и спокойным, серьёзным лицом. Он редко улыбался.

— В том ловушечном рву в лесу, — ответил он, — есть следы того, что туда упал дикий кабан.

— Да-да! — подхватил второй, шумный, веснушчатый мальчишка по имени Шэн Цань. — Мы сегодня туда пошли, а весь настил исчез! На стенках ямы, царапины! Значит, точно кабан туда провалился!

— Только его там уже нет, — добавил Лян Юэ. — Наверное, выбрался и убежал.

Ван Чи бросил взгляд на Сяо Чэньюя — тот сидел, явно смущённый, с прикушенной губой, и хмуро смотрел на мальчишек.

С трудом удерживая улыбку, Ван Чи нарочно переспросил:

— Вы уверены, что это был именно кабан?

Шэн Цань поспешно закивал:

— Конечно! Ловушка такая, что мелкий зверь просто не провалится! Значит, точно кабан! И, по следам видно, туда, наверное, сразу две свиньи упали!

Две кабанчика...

Улыбка у Ван Чи тут же сошла с лица.

Он и Сяо Чэньюй встретились взглядами и, как по команде, отвели глаза.

Наступила короткая, но тяжёлая тишина.

<http://bllate.org/book/12345/1101750>